

0-780043

На правах рукописи

БОТАНОВА Елена Сергеевна

**ПЕТЕРБУРГ – ПЕТРОГРАД – ЛЕНИНГРАД
В ЛИРИКЕ А. А. АХМАТОВОЙ
И В ПЕРЕВОДАХ ЕЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Специальности:

10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская, немецкая, французская);

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара 2009

Работа выполнена на кафедре русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор
Буранок Наталия Аркадьевна

Научный консультант: доктор культурологии, профессор
Кулинич Марина Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Голубков Сергей Алексеевич,
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ГОУ ВПО
«Самарский государственный университет»

доктор филологических наук, профессор
Осовский Олег Ефимович,
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ГОУ ВПО
«Мордовский государственный университет»

Ведущая организация: Педагогический институт
ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 19 ноября 2009 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.216.03 в ГОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» по адресу: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67, корп. 1, ауд. 9.

С диссертацией можно ознакомиться в научной волжской государственной социально-гуманитарной библиотеке по адресу: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Текст автореферата размещен на сайте www.pgsga.ru 15
Автореферат разослан 16 октября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000530265

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.Б. Борисова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Зарубежная и русская литература, их взаимовлияние – давно и успешно разрабатываемая в компаративистике тема. Однако «Петербургский текст» А. Ахматовой изучен не во всех аспектах: остается практически неосвоенным то, как образ Петербурга – Петрограда – Ленинграда (ахматовского «Города») «живет» не только в лирике поэта, но и в переводах стихотворений на английский язык.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной проработанностью вопроса о своеобразии ахматовского «Петербургского текста» не только в оригинале, но и в переводах; параллельное изучение оригинального и переводного текста позволит лучше понять авторский замысел и особенности поэтики лирических произведений.

Объектом диссертационного исследования являются стихотворения А. Ахматовой, посвященные великому городу на Неве, и переводы этих текстов на английский язык.

Предметом исследования послужили те сложные литературные процессы, которые происходят с эволюцией образа северной столицы в лирике Ахматовой, а также степень сохранности «Петербургского текста» в переводах стихотворений А. Ахматовой на английский язык.

Источники исследования – лирические стихотворения Ахматовой, посвященные Петербургу – Петрограду – Ленинграду (сплошная выборка текстов в хронологической последовательности по трем параметрам: целиком посвященные Городу; содержащие отдельные топонимы и упоминания; без упоминаний, но с обозначением места написания). Рассмотрены также отдельные фрагменты, которые создавались как самостоятельные лирические тексты, а затем были включены в состав поэм «Реквием» и «Поэма без героя». Лирика А. Ахматовой изучается по собранию сочинений в шести томах (М., 1998 – 2005). Английские переводы стихотворений поэта изучаются по книге: «Анна Ахматова. Стихотворения на английском языке с параллельными русскими текстами» (М., 1988) в переводах Ирины Железновой (Irina Zheleznova), Ольги Шарце (Olga Shartse), Сергея Роя (Sergei Roy), Петра Темпеста (Peter Tempest). Кроме того, использован перевод книги Ахматовой «Белая стая», выполненный Ильей Шамбатом (*Akhmatova A. White Flock / Ilya Shambat* // <http://www.homeenglish.ru>). Исследование ограничивается указанными источниками, поскольку их достаточно, чтобы выявить своеобразие переноса ахматовского «Петербургского текста» на английский язык; задача учесть все англоязычные переводы стихотворений Ахматовой не ставится.

Методология литературоведческого исследования. В работе использованы следующие методы:

– метод комплексного анализа текста, позволяющий во всей полноте выявить особенности функционирования образа Города (=Петербурга – Петрограда – Ленинграда) в лирике Ахматовой и в переводах ее стихотворений на английский язык;

– сравнительно-исторический метод, позволяющий рассматривать творчество Ахматовой в контексте русской литературы, а также изучать образ Города в динамике развития ахматовской поэзии (в оригинальных текстах и их переводах на английский язык).

Теоретической базой исследования послужили работы советских, российских и зарубежных литературоведов (Н. Анциферов, М. Бахтин, И. Вербловская, В. Виленкин, С.Голубков, В. Дементьев, Е. Добин, В. Жирмунский, Л. Кихней, Н. Королева, М. Кралин, М. Кулинич, Д. Лихачев, Ю. Лотман, А. Павловский, В. Прокофьева, Р. Тименчик, В. Топоров, А. Хейт, Д. Хренков, Т.Якадина и др.).

Цель работы – определение специфики бытования образа Города в лирических произведениях Ахматовой и уровня сохранности «Петербургского текста» в переводах на английский язык.

Данная цель обусловила постановку следующих задач:

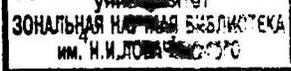
1. Изучить Петербург – Петроград – Ленинград (= Город) как образ и текст в лирических произведениях Ахматовой, выявить их структурные особенности и функциональность, а также место и роль ахматовского образа Города в контексте литературной традиции.

2. Рассмотреть особенности образа Города в лирике А. Ахматовой 1913 – 1941 гг. и выявить своеобразие «Петербургского текста» в английских переводах соответствующих произведений поэта.

3. Определить роль образа Ленинграда и связанных с ним топонимов в лирических произведениях А. Ахматовой 1941 – 1966 гг. и в переводах соответствующих стихотворений на английский язык.

4. Исследовать значение образа Города в лирическом творчестве Ахматовой и особенности его интерпретации в английских переводах.

Научная новизна работы определяется целями и задачами исследования и состоит в том, что впервые «Петербургский текст» в лирике А. Ахматовой и его интерпретация в переводах ахматовских стихотворений на английский язык рассматриваются как единое художественное целое. В связи с этим выявляются особенности функционирования и художественная значимость топоса, хронотопа, художественной детали, определяющих в лирике А. Ахматовой сохранение и поэтику «Петербургского текста», а также адекватность и

переводческие трансформации в переводах ахматовских стихотворений на английский язык.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в расширении научных представлений об историко-литературном процессе в России 1910 – 1960-х гг. и, в частности, о поэтике «Петербургского текста» в лирике А. Ахматовой.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы при изучении лирики Ахматовой в школе и вузе: в лекционных и специальных курсах, в курсах дисциплин специализации (по истории русской литературы; по курсу художественного перевода).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Город (= Петербург – Петроград – Ленинград) представлен в лирике А. Ахматовой как *образ и текст*, несущие в себе богатую литературную традицию и имеющие индивидуальные («ахматовские») черты. Образ Города в лирике А. Ахматовой входит в структуру ее художественного мира. «Петербургский текст» Ахматовой, рассмотренный в генезисе и эволюции, в контексте литературной традиции, является формой самоопределения поэта, выражения мироощущения.

2. Петербург в лирике А. Ахматовой осмысливается как город Петра, творческая колыбель поэта и источник вдохновения, сложный в своей культурной иерархии город, в котором поэт выделяет различные пласты, принципиально важные в ахматовском восприятии Города: «Петербург Пушкина», «Петербург Достоевского», «Петербург Блока», «Петербург Гумилева», «Петербург Ахматовой». Художественные детали и хронотопы этих пластов определяют поэтическую «биографию» Города и структуру «Петербургского текста» Ахматовой.

3. Мотив беды характеризует образ и текст Города в его «петроградском» и «ленинградском» вариантах. Петербург интерпретируется как образ погибшего города, верность которому хранит лирический герой Ахматовой, вследствие чего патриотизм предстает как трагический выбор в эпоху социально-политических перемен.

4. В отличие от редкого именованя Города Петроградом (это название встречается в лирике Ахматовой только дважды), Ленинград всегда для нее был Ленинградом как имя Города, освященное блокадой. Появившийся в годы Первой мировой войны образ «гранитный город славы и беды» – устойчивый, повторяющийся мотив «Петербургского текста». В годы Великой Отечественной войны мотив славы и беды становится единым, утрачивая свою логическую антитетичность: подвиг Ленинграда и ленинградцев – это слияние

воедино *славы и беды*, высочайшее проявление стойкости духа, мужества и патриотизма. Отсюда следует ахматовское представление тех лет о миссии поэта и смысле его творчества: «Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена». В лирике последних двух десятилетий «Петербургский текст» Ахматовой характеризуется мотивом памяти, который определяет его структуру и содержание.

5. Переводы на английский язык стихотворений Ахматовой, относящихся к «Петербургскому тексту», являются фактом взаимодействия русской и английской литератур, способом ознакомления иностранного читателя с лирикой великого русского поэта. В переводе трудно сохранить и передать нюансы «Петербургского текста» Ахматовой, особенно его контекст и подтекст. Если первый в какой-то мере можно компенсировать (и переводчики делают это) комментариями, в которых объясняются топонимы, имена, жизненные обстоятельства и т.д., то второй (поэтический подтекст) в переводах практически исчезает (или же попытки буквального перевода ахматовских метафор и олицетворений приводят к искажению смысла произведений).

Апробация работы. Результаты исследования представлены в шести публикациях, из них три в научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Материалы и результаты исследования были апробированы в ходе выступлений на международных, всероссийских, межвузовских научно-практических конференциях: «Пятые Ознобишинские чтения» (Инза, 2007); «Предромантизм и романтизм в мировой культуре» (Самара, 2008); «Научно-практическая конференция, посвященная столетию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора педагогических наук, профессора Якова Ароновича Ротковича» (Самара, 2009); на итоговых аспирантско-преподавательских конференциях Самарского государственного педагогического университета (2006 – 2009); основные положения и результаты исследования обсуждались на расширенных заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

Структура работы. Структура диссертации соответствует логике исследования и состоит из введения, трех глав (по три параграфа каждая), заключения и списка литературы, который включает 260 источников, в том числе – 9 на английском языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна, объект и предмет исследования; формулируются его цель и задачи, основные положения, выносимые на защиту; определяются методология и теоретическая основа исследования, его теоретическая и практическая значимость, дается информация об апробации работы и ее структуре.

В **первой главе («Петербург – Петроград – Ленинград: образ и текст»)** изложены теоретические положения, которые послужили основой данного исследования.

В *первом параграфе («Виды и функции образа города и «городского текста»)* рассмотрены понятия *текст, образ, концепт*. Петербург в русской культуре и литературе представлен «Петербургским текстом» (термин В.Н. Топорова), в котором город выступает как особый и самодовлеющий объект художественного постижения, как некое целостное единство. Как самому городу, так и «Петербургскому тексту» свойственна антиномичность. На одном полюсе – признание Петербурга единственным настоящим (цивилизованным, культурным, европейским, образцовым, даже идеальным) городом в России, на другом – свидетельства о том, что нигде человеку не бывает так тяжело, как в Петербурге, отсюда часто возникающий призыв к бегству и отречению от Петербурга.

Второй параграф («Петербургский текст» в русской литературе: генезис и эволюция) содержит краткий обзор истории возникновения и развития «Петербургского текста» в русской литературе. Характеризуются различные аспекты его семантики, сложившиеся в художественных направлениях XIX–XX вв.

Третий параграф («Ахматовский «Город» в контексте литературной традиции») посвящен вопросу об отношении Ахматовой к традициям мировой художественной культуры и выявлению этих традиций в образе ахматовского Города. Показано, что ахматовский образ Города пронизан идеями и мотивами, бытовавшими в русской классической поэзии (у Пушкина, Баратынского, Тютчева, Некрасова), в художественном опыте современников Ахматовой (Блока, Анненского, Гумилева, Мандельштама, Пастернака). Лирика Ахматовой имеет связь с открытиями психологической прозы XIX века (Пушкина, Толстого, Достоевского, Лескова).

Отмечается наличие в лирике Ахматовой множества деталей, мелочей, которые придают ее «Петербургскому тексту» конкретность, предметность, историческую достоверность и точность. Она творила

именно так, как воспринимала мир; ее поэзия – отражение в ней мира со всем его множеством граней и бытовых мелочей.

Во второй и третьей главах (в первом и втором параграфах каждой из них), проанализированы все стихотворения А. Ахматовой, относящиеся к «Петербургскому тексту», а также (третий параграф каждой из глав) – переводы на английский язык; при этом выявляется уровень сохранности ахматовского «Петербургского текста».

Во второй главе – «Петербург – Петроград – Ленинград в лирике А.А. Ахматовой (1913 – 1941) и переводах ее стихотворений на английский язык» – дана эволюция образа Города от раннего периода творчества до Великой Отечественной войны.

Первый параграф («Петербург в лирике А.А. Ахматовой 1913 – 1917 гг.») посвящен начальному этапу формирования «Петербургского текста» в лирике А. Ахматовой.

Петербургский топос обозначен в стихотворениях А. Ахматовой «Ты пришел меня утешить, милый...» (1913), «Ничего не скажу, ничего не открою...» (1913), «Покорно мне воображень...» (1913). Впервые у Ахматовой в стихотворении «О, это был прохладный день» (1913) появилось определение Петербурга как «города Петрова»; эпитет «чуждесный» в этом контексте тоже прозвучал у Ахматовой впервые.

В 1913 г. в лирике Ахматовой возникает первый петербургский цикл – два пронумерованных стихотворения под общим названием «Стихи о Петербурге». В этом цикле важно, что все переживания героев стихотворений неразрывно связаны с Петербургом, обусловлены его аурой, лирические события вписаны в пространство города: «...под аркой на Галерной / Наши тени навсегда», «...стали рядом / ... В миг, когда над Летним садом / Месяц розовый воскрес...» (I, 162)¹. Любовь прошла, но память и связующие двух когда-то близких людей нити остаются навсегда: «И в руке твоей навеки / Нераскрытый веер мой». Отказ от любовных отношений («Вся любовь утолена», I, 162) открывает возможность свободного духовного общения.

Петербург неизменно присутствует в жизненной судьбе Ахматовой и ее лирического героя.

Несколько стихотворений «Петербургского текста» А. Ахматовой относятся к блоковскому циклу: «О тебе вспоминаю я редко...» (1913), «Я пришла к поэту в гости» (1914), «В последний раз мы встретились тогда...» (1914). Биографический топос стал топосом ху-

¹ Здесь и далее том и страницы указаны по изд.: *Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. (т. 8, 9 – дополнительные)*. М., 1998–2005. Курсивом отмечены страницы комментариев Н.В. Королевой.

дожественным: Нева, городской пейзаж становятся сюжетообразующим моментом данных шедевров. Нева оказывается центральным образом во многих ахматовских стихотворениях 1914 г., входящих в ее «Петербургский текст», например: «Как ты можешь смотреть на Неву...», «Не в лесу мы, довольно аукать...». Петербургская весна, ледоход на Неве являются значимыми для Ахматовой образами (не просто «весна», а именно «*петербургская* весна»). Петербург постоянно присутствует в сознании Ахматовой, даже когда в тексте отсутствует номинативное обозначение петербургского тоposa.

В стихотворении «Уединение» (1914) есть строки, которые никак не могут иметь отношения к реальному географическому пространству, в котором в данный момент находилась Ахматова (Слепнево – в Тверской губернии), а связаны именно с Петербургом: «И часто в окна комнаты моей / Влетают ветры северных морей» (I, 183). Обратим внимание: не просто северный ветер (это и в Тверской губернии обычное явление), а именно «ветры *северных морей*» – уже петербургский образ.

Лирическая ситуация балладного по жанру стихотворения «Побег» (1914) развертывается в городском (петербургском) пространстве: здания, лестницы, «белые колонны Сената», петербургское взморье.

Во время продолжающейся чахотки и близкой, как думала Ахматова, смерти, она пишет трагическое по сути, но очень спокойное по тональности стихотворение «На Казанском или на Волковом...» (1914). Символична метафора, идущая из христианской символики, из древнерусских мифологем: пир – война, вино – кровь, угощение, новоселье – смерть, и у Ахматовой смерть предстает как сон («Под небом северным, шелковым / так легко, так прохладно спать») и «новоселье» (I, 192).

Чрезвычайно значимо в петербургском тексте Ахматовой стихотворение «Был блаженной моей колыбелью...» (1914). Судьбу поэта навсегда определил «Темный город у грозной реки... / Город, горькой любовью любимый... / ...строгий, спокойный, туманный». Это Петербург, который действительно стал «блаженной... колыбелью» поэта Ахматовой. И «торжественная брачная постель» в этом контексте – не только упоминание о браке с Н.С. Гумилевым, но и метафора – союз двух поэтов, отсюда и «путь осиянный», который указал «жених», – творчество, поэзия как главное жизненное дело. Поэтому совершенно естественно в финале стихотворения появляется образ Музы: «И печальная Муза моя / Как слепую, водила меня» (I, 205).

Петербургский топос, приметы городского пейзажа его любимого города определяли сюжетосложение и поэтику петербургских стихов Ахматовой, в частности, в цикле из двух стихотворений – «Покинув рощи родины священной...», «Смеркается, и в небе темно-синем...» (1914 – 1915).

Стихотворение «Будем вместе, милый, вместе...» (1915) обращено к Н.С. Гумилеву. «Страшный год» – время Первой мировой войны, «страшный город» – военный Петербург. Тема военного Петербурга продолжается в стихотворении «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» (1915). С этого стихотворения и всю оставшуюся творческую жизнь при характеристике Петербурга – Петрограда – Ленинграда Ахматова в вариантах будет употреблять слова *пышный, гранитный, город славы и беды*, обязательно – *сады* и непременно при этом будет присутствовать ее *Муза*; вместо лирического «Я» – «Мы». В стихотворении «Тот август, как желтое пламя...» (1915) важен хронотоп «*тот август*» – это петербургский август 1914 года, начало войны.

Где бы Ахматова ни находилась вне Петербурга, в ней живет этот город, эволюционирует. Она очень часто вспоминает о нем, и эти воспоминания как некие вкрапления присутствуют во многих ее стихотворениях, совсем, казалось бы, не посвященных Петербургу и не связанных с ним.

Стихотворение «Как люблю, как любила глядеть я...» (1916) все пронизано любовью к невосковой столице.

В связи с тягостным состоянием лирического героя и городской пейзаж кардинально меняется («Когда в мрачнейшей из столиц...», 1916): Петербург кажется «мрачнейшей из столиц», «небо сожжено / Червонно-дымною зарею», «ночь / Покрыла город предосенний» и «озаренные граниты» Невы (I, 270). Антитезой этому тягостному страшному городскому пейзажу выступает южный степной пейзаж: «...степь полынная цвела, / А ветры пели, как сирены». Простор степей (в данном случае, крымских) и крест, подаренный возлюбленным, хранят героиню «от горьких бредней, / И ничего не страшно...» ей. Но «цветет»-то «степь» и «ничего не страшно» именно потому, что взяла с собою подарок возлюбленного, а значит, это память о нем и о городе, где совсем недавно они были счастливы, – о Петербурге.

«В городе райского ключаря...» (1916) петербургские топонимы в тексте прочитываются очень легко: «в темном саду» – Летний сад; «дивный град» – Петербург. Кроме этого, белые церкви, высокие мосты, старые липы, река (Нева) – все в стихотворении насыщено Петербургом.

В начале 1917 г. написан ряд стихотворений, где мелькают петербургские образы: «столица», «дивный град», «темные палаты», «гости из города», «сборища ночные»: «Высокомерьем дух твой помрачен...», «Там тень моя осталась и тоскует...», «Да, я любила их, те сборища ночные...», «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...», «Тот голос, тишиной великой споря...», «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...», «Как площади эти обширны...» (I, 288–295). Мотив разлуки, прощания подкреплен трагической цветовой гаммой: «беззвездный... покров темноты», «черные зданья». Мотивы любви и разлуки переплетаются с мотивами города (Петербурга) и верности ему, городу. Это стихотворения «По твердому гребню сугроба...» (I, 296), «Мы не умеем прощаться...» (I, 297), «Еще весна таинственная мле-ла...» (I, 298) и др. В них нет петербургских реалий (только четко обозначено место создания стихотворений – Петербург).

Важно, что в воспоминаниях лирического героя («Когда о горькой гибели моей...», 1917) есть образ Петербурга. В стихотворениях Ахматовой 1917 г., фактически созданных в Петрограде (так с начала войны с Германией назывался город), местом написания упорно указывается Петербург, они наполнены воспоминаниями о Петербурге («Я в этой церкви слушала Канон...», I, 322) и трагической реальностью: «Прощались все друг с другом на минуту, / Чтоб никогда не встретиться...» (I, 322). Настала недолгая пора Петрограда.

Во *втором параграфе* – «Петроград и Ленинград в лирике А. Ахматовой (период до Великой Отечественной войны)» – литературный процесс характеризуется не только сменой литературных направлений и художественных методов, но и постоянным их взаимодействием, проявлением на уровне традиций, мотивов, ассоциаций в новых литературных эпохах, когда актуальны уже другие методы и направления. «Петербургский текст» в стихотворениях А. Ахматовой складывается, как мозаика, из фрагментов – различных образов, ощущений, ассоциаций, связанных в поэтическом сознании Ахматовой с Петербургом (Петроградом, Ленинградом). Именно их связь с Петербургом (а также Петроградом, Ленинградом) и придает единство этим фрагментам и «Петербургскому тексту» в целом.

Петербург в восприятии Ахматовой многими видимыми и невидимыми «нитями» связан с ее биографией, судьбой, творчеством, литературными ассоциациями, историей России. Каждое *место* Петербурга (улицы, мосты, дома, площади, сады, реки и т.д.) для нее чем-то памятно, значимо, определяет мироощущение ее лирического «Я», ее лирического героя. Первое переименование города (из Петер-

бурга в Петроград) Ахматова, видимо, переживала болезненно и в своем творчестве постаралась его «не заметить», настойчиво, на протяжении нескольких лет продолжая указывать в качестве места создания стихотворений Петербург. Но «не заметить» происходящих событий и их смысла, она, конечно, не могла.

В стихотворении «На разведенном мосту...» (1917–1919) много смыслов: и, как у Шекспира, «распалась связь времен» («разведенный мост», «кончилась юность»), и образ России прежней и нынешней, Петербург прежний и нынешний, и нынешний праздник (безусловно, чужой для ахматовской героини).

Образ столицы возникает у Ахматовой и в связи с темой эмиграции. Уехавшие не только сравниваются с самоубийцами, но и с губящими «православную душу». Отсюда в «Петербургском тексте» Ахматовой чрезвычайно важна тема отступничества в стихотворениях 1917 г., посвященных Б. Анрепу, уехавшему в Англию: «Ты – отступник: за остров зеленый...» и «А ты теперь тяжелый и унылый...».

Осенью 1917 г. в Петрограде Ахматова пишет стихотворение «Когда в тоске самоубийства...» (I, 316). Две первые (долгое время при печатании пропускаемые) строфы заслуживают самого пристального внимания, ибо содержат ахматовскую концепцию Петербурга как «падшего города» (в библейском смысле), «города-блудницы», что, соответственно, проецировалось автором и на трактовку России, ввергнутой в мировую войну и революционный «мятеж». Стихотворение (наряду с мотивами самоубийства, эмиграции и мотивом гражданской совести) знаменито, прежде всего, почти сакральным «Мне голос был...». Судьба города, безусловно, волновала А. Ахматову как личность и как поэта. Равнодушие и спокойствие героини стихотворения основывается на желании разделить свою судьбу с судьбой народа, о чем Ахматова будет заявлять многократно на протяжении всего своего творческого пути.

Любопытно обозначение места написания стихотворения – «*Петроград*» (единственный раз в лирике Ахматовой!); до и после этого (до самого переименования в Ленинград) она обозначала город на Неве как место создания стихотворения только как *Петербург*.

Второй и последний раз слово «Петроград» появится в заглавии стихотворения – «Петроград, 1919» (1920). Заглавие обязательно несет в себе экспрессивно-эмоциональную окраску: новое название города усилено датой нового времени. Первоначальное заглавие – «Согражданам» – подчеркивало политический характер стихотворения. Петроград 1919 года: гражданская война, эмиграция, угроза за-

хвата бывшей российской столицы, аресты, грабежи, уличные беспорядки и убийства – все это волновало А. Ахматову как человека и гражданина, как поэта. Само заглавие стихотворения («Петроград, 1919») подразумевает некий взгляд на панораму города со стороны, но и необходимость быть внутри этих событий, внутри жизни города. Это некий поэтический репортаж из города, как это часто было в те годы у газетчиков: вести из Петрограда, оттуда. Это не некая космически успокоенная, объективная позиция (что там – в Петрограде), это телетайп сердца. Вместе с любимым городом Ахматова встречает свои и его роковые даты и не соглашается покинуть его даже ради «крылатой свободы», даже ради спасения жизни и поэзии. Мы «...заключены в столице дикой» (I, 348) – это крик души из тюрьмы, некой огражденной территории, но территории, не отрезанной от всей остальной страны. Как будто бы констатация: «...забыли навсегда ... озера, степи, города и зори родины великой», но это утверждение обманное, «нарочное». Оно лишь усиливает мотив выбора, мотив верности любимому городу: можно было покинуть его и спастись, но «остались» и «сохранили для себя» город. В первой строфе – трагедия поколения петербуржцев, вдруг оказавшихся запертыми, как в тюрьме, в чужом городе (*Петербург* исчез с лица земли, ибо его место занял *Петроград!*). Но эту тюрьму они выбрали сами, ибо это их дом, они его любят, они остались в нем сами. Ахматова по-христиански до конца верна любимому городу, обнаруживая в нем все новые черты не только «столицы дикой» (это относится уже к Петрограду), но и «города райского ключаря» (даже в новом наименовании город по-прежнему носит имя святого апостола Петра).

Лирического героя стихотворения «Петроград, 1919», конечно, тревожит и тяготит «кровавый круг» (сразу возникает ассоциация с кругами ада Данте), причем это в бесконечном временном движении – «и день, и ночь». Употребляя неологизм «долит» (от «доля» – «участь, судьба», но и «часть целого»), Ахматова подчеркивает общность судьбы города-дома и лирического героя («мы»), одолеваемого «жесточкой истомой». Здесь принципиально значимо многоточие – некая остановка в стихотворном излиянии, необходимая пауза. Поэт настаивает на том, чтобы реципиент остановился в чтении, в восприятии текста. Да еще после какого слова эта пауза – «истома», т.е. чувство усталости, утомления, бессилия. А далее печальная констатация участи, судьбины всех тех петербуржцев, кто остался дома – «никто нам не хотел помочь». Рифма почти символична: «помочь» – «ночь». Ночью тяжелее, страшнее, ночь давит, а помощи нет, и не будет.

В тексте стихотворения столкнулись все три формы времени – прошедшее, настоящее и будущее (именно в такой – естественной! – последовательности они следуют одно за другим в лирическом сюжете, но тут же сливаются, смешиваются, перетекают одно в другое). «Забыли», «не хотел помочь», «остались», «сохранили» – прошедшее время. «Долит», «близится» – настоящее время, причем в тексте стихотворения глагол «близится» передает уже будущее время («иная близится пора»), точнее, самый момент перетекания настоящего времени в будущее: эта «пора» еще не наступила, но уже приближается, отсюда момент неопределенности, ожидания, а неизвестное всегда страшит.

Стихотворение «Все расхищено, предано, продано...» (1921) было воспринято критикой как прославление революции (I, 861): несмотря на то, что все ужасно, «нам стало светло», «И так близко подходит чудесное / К развалившимся грязным домам...» (I, 351). На наш взгляд, если здесь и прославление, то не революции, принесшей в город разруху и ужасы, а прославление мужества и творческого духа петербуржцев, оказавшихся чужими в родном городе, но не предавших его (об этом шла речь и в стихотворении «Петроград, 1919»).

«Я с тобой, мой ангел, не лукавил...» (1921) написано как бы от имени казненного Н.С. Гумилёва, обращающегося к Анне Ахматовой (I, 871). Образ Города здесь во многом совпадает с образом Петрограда в «Двенадцати» Блока: те же образы – ветер, костры, стрельба.

В стихотворении «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» (1922) лирический герой рисует удручающую картину: «Поработали пожары, / Почудили коммунары», «дырявая крыша» (I, 391), вода в подвале, и не случайно воды хотят покинуть «склеп» (подвал), подняться и «править городом» – затопить его (как в «Медном всаднике», образ наводнения – разрушающего, несущего гибель); у отчаявшегося героя А.С. Пушкина разбушевавшаяся стихия вызывает бунт и против города, и против его «строителя чудотворного»: «Ужо тебе!»; у Ахматовой – сочувствие, понимание происходящего и ощущение общности судьбы города и его жителей. Спокойно, как констатация факта звучит мотив гибели города. Эсхатологические мотивы, естественно, и стали причиной того, что стихотворение долго не печатали.

Первое ленинградское стихотворение «Петербургского текста» – «Если плещется лунная жуть...» (1928). В нем продолжается развитие эсхатологических мотивов. Тяжелое стихотворение, чувствуется, как измучена душа поэта. Таков психологический настрой ленинградского варианта «Петербургского текста» – с самого первого стихотворения.

Практически каждое стихотворение, написанное Ахматовой в Ленинграде в 1930-е годы (которое можно рассматривать как «Петербургский текст»), пронизано тревогой, печалью, ощущением беды; при этом в стихах минимум ленинградских реалий, только как отдельные упоминания, пространственно-временные «метки»: «...сердце скрыла / Словно бросила в Неву» (I, 432), в «сумраках чужих» вдруг возникают «шереметевские липы» (I, 432) – липы во дворе Фонтанного дома («От тебя я сердце скрыла...», 1936). В стихотворении «Годовщину последнюю праздной...» (1939), напротив, много петербургско-ленинградских реалий.

Концепт «Ленинград» трансформируется в стихотворении «Это было, когда улыбался...» (1940): вместо блистательного, парадного, столичного города – город тюрем, по которому «шли уже осужденных полки», и еще шире – «безвинная корчилась Русь», а Ленинград стал «ненужным привеском», болтающимся «возле тюрем своих» (I, 463). Самый пейзаж меняется: «Звезды смерти стояли над нами» (I, 463): аресты, отправки заключенных по лагерям и тюрьмам, расстрелы проводились по ночам. Страшен образ «черных марушь» – тех самых тюремных машин, которых со страхом ждали не только в Ленинграде, но везде в СССР. «...суждено нам всем узнать, / Что значит третий год не спать, / Что значит утром узнавать, / О тех, кто в ночь погиб» (I, 478). Тюрьма соединена незримыми узами с городом, со страной – и не только с лирическим героем, но с каждой семьей, с каждым человеком. Голос Ахматовой был воистину голосом «стомиллионного народа» (I, 471). Стихотворение «Опять поминальный приблизился час...» (1940), как и предыдущее, войдет в поэму «Реквием». Главный мотив здесь – мотив памяти («поминальный час»). Ахматова не винит город-тюрьму, она только отстаивает право на памятник городу, ленинградцам, себе, вместе со всеми стоявшей в тюремных очередях.

Петербург Ф.М. Достоевского отразился в стихотворении «Предыстория» (1940, доработано в 1942 и 1943), открывающем цикл «Северные элегии». В стихотворении властвует не реальное время его создания, а прошлое время, время как воспоминание о городе, причем характер этого воспоминания сложный и многослойный. А. Ахматова, родившаяся в 1889 г., не могла помнить Петербурга Достоевского. Следовательно, это не собственно воспоминания, а ассоциации, среди которых важнейшее место занимает литературно-художественный контекст – «Россия Достоевского», город, похожий на старинную литографию, «семидесятых, кажется, годов» (I, 485). Так еще раз повторяется в тексте стихотворения отсылка ко времени Достоевского.

Последнее предвоенное стихотворение А. Ахматовой – «Ленинград в марте 1941» (1941). Меншиковский дом, волна Невы, «шпилей блеск», переулки Васильевского острова, солнечные часы на фасаде здания бывшего Кадетского корпуса, непосредственно примыкавшего к дворцу Меншикова (I, 951), – приметы города. Именно по этим переулкам, мимо дворца с часами гуляли молодые Ахматова и Гумилев (I, 951). «У наизусть затверженных прогулок / Соленый привкус – тоже не беда» (I, 494). Последнее слово стихотворения – «не беда». Ни Ахматова, ни Ленинград не знали, на пороге какой страшной беды уже стоял город: через несколько месяцев – война, блокада.

В *третьем параграфе («Стихотворения А. Ахматовой 1913–1941 гг. в английских переводах: своеобразие «Петербургского текста»)* рассмотрены ахматовские стихотворения о Городе в переводах на английский язык, которые сделали Ирина Железнова (Irina Zheleznova), Ольга Шарце (Olga Shartse), Сергей Рой (Sergei Roy), Петер Темпест (Peter Tempest); переводы опубликованы в книге: «Анна Ахматова. Стихотворения на английском языке с параллельными русскими текстами» (М., 1988). Книга включает основные лирические произведения поэта из стихотворных сборников, расположенных в хронологическом порядке: «Вечер» («Evening»), «Четки» («Rosary»), «Белая стая» («A white birds' flight»), «Подорожник» («The plantain»), «Anno Domini», «Тростник» («Reeds»), «Седьмая книга» («The seventh book»), «Нечет» («Odd number») и др. Русский текст стихотворений приводится параллельно с английским. Кроме того, для сравнения в диссертации использованы переводы Ильи Шамбата из книги «Белая стая» («White Flock»). Наше исследование ограничивается указанными текстами, поскольку не ставит задачи рассмотреть все англоязычные переводы стихотворений А. Ахматовой. Задача поставлена другая: уловить своеобразие переноса ахматовского слова на английский язык в стихотворениях, которые можно рассматривать в рамках «Петербургского текста».

Третья глава – «Ленинград в лирике А. Ахматовой (1941 – 1966) и переводах на английский язык» – посвящена эволюции образа Города в период с начала Великой Отечественной войны и до конца жизненного пути поэта.

В *первом параграфе («Ленинград в лирике А. Ахматовой периода Великой Отечественной войны»)* в эволюции дан образ Ленинграда и ленинградцев как важная страница ахматовского «Городского текста» (она всегда называла Городом только один город, какое бы имя он не носил, – Петербург, Петроград, Ленинград).

В знаменитых «Клятве» (1941) и «Мужестве» (1942) лирический герой Ахматовой несет в себе черты коллективного героя – «мы», но это «мы» решительно не то, что вставало со страниц ахматовского «Петербургского текста» 10-х, 20-х, 30-х годов.

Через все стихотворения Ахматовой военных лет (особенно о блокадном Ленинграде) проходит мотив материнского сострадания, материнской боли. Материнское чувство при этом распространено не только на ленинградских сирот, но на весь блокадный Ленинград: от разрушения врагом жители стараются его укрыть, спрятать, защитить («Первый дальнбойный в Ленинграде», 1941, 1942; «Птицы смерти в зените стоят...», 1941; «Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду», 1942; «Щели в саду вырыты...», 1942 и «Постучись кулачком – я открою...», 1942). Автор оплакивает погибших в блокаду. Особенно невыносима для Ахматовой мысль о гибели самых юных жителей города. Разрушенный город прямо связывается с гибелью ленинградского ребенка, который становится «сиротой» и обретает страшный дом-могилу. Это пронзительно острое понимание судьбы Ленинграда Ахматова увезла с собой в Ташкент, оно пронизывает ташкентские стихотворения о Ленинграде («Пускай огонь сигнальный не горит...», 1941; «С грозных ли площадей Ленинграда...», 1942). Ее лирический герой и мыслью, и душой там – в блокадном Ленинграде, где «огонь сигнальный не горит / И город в мраке небывалом тонет» (II.1, 13). Но «голос Ленинграда» слышен («Готов к труду и обороне!»), и ни на минуту ни Ахматову, ни ее лирического героя не оставляет вера в Победу.

В стихотворении «На Смоленском кладбище» (1942) мотив смерти связан с мотивом памяти о прошедшем, а в следующем стихотворении («А вы, мои друзья последнего призыва...», 1942) – и с мотивом памяти о настоящем, о тех, чьи жизни унесла война. В этом и есть смысл жизни поэта, определенный историей и войной: «Крикнуть на весь мир все ваши имена» (II.1, 30).

«Великомученик Ленинград» (II.1, 60), – так обращается поэт к Городу («Послесловие», 1944), заявляя о своей причастности ко всему, что пережил Ленинград («Послесловие «Ленинградского цикла», II.1, 61). Через месяц после прорыва блокады Ахматова пишет стихотворение «Победителям» («Сзади Нарвские были ворота...», 1944), посвящая его освободителям Ленинграда. А дальше – стихотворение «27 января 1944 года» (1944) – отклик поэта на весть о снятии блокады и салюте в честь освобождения города.

В 1945 г. Ахматова пишет ряд стихотворений, перекликающихся с теми, которые она создала в начале войны. В диссертации анализи-

руется переключка мотивов в стихотворениях 1941 – 1942 гг. и 1945 г. Опять звучат слова клятвы.

В «Клятве» (1941): «Мы детям клянемся» (II.1, 8) – в стихотворении «Навстречу знаменам, навстречу полкам...» (1945): «...клятву... даем / И детям ее завещаем» (II.1, 104). Еще переключка мотивов: «И мы сохраним тебя, русская речь...» («Мужество», 1942, II.1, 16) – «...есть, что беречь, – /... и родимая речь, / И мир, охраняемый нами» («Нам есть, чем гордиться и есть что беречь...», 1945, II.1, 105); «...сохраним... великое русское слово» («Мужество», 1942, II.1, 16) – «Всего прочнее на земле печаль / И долговечней царственное Слово» («Кого когда-то называли люди...», 1945, II.1, 114).

Во *втором параграфе («Петербургский текст» в лирике А.А. Ахматовой 1945 – 1966_гг.)* анализируются стихотворения поэта, созданные в течение двух последних десятилетий творчества.

Все послевоенное творчество Ахматовой пронизано размышлениями об исторических судьбах страны, запечатленных в образах дорогих ей людей, в судьбах ее Города: «ночь Петербурга» и Блок – «трагический тенор эпохи», прощающийся с Пушкинским Домом; «железная и пустая» ночь истерзанного страхом Ленинграда, «где напрасно зови и кричи», и озаренный таинственным светом «единственный» Летний сад, навевающий мысль о вечной красоте и вечном покое.

В стихотворении «Приморский парк Победы» (1950) – тема войны ушла в подтекст, стихотворение посвящено послеблокадному трудовому подвигу ленинградцев. Как Петр преобразил это пустынное место своим повелением: «Здесь будет город заложен...», так ленинградцы преобразили пустынное взморье, заложив парк Победы.

«Особенных претензий не имею...» (1952) – прощание с Фонтанным Домом (Шереметевский дворец), в его флигеле находилась квартира Пуниных, в которой жила Ахматова.

Несколько стихотворений А. Ахматовой посвящено И. Берлину, в них тоже есть следы «Петербургского текста». Важно и то, что при посещении Великобритании Ахматова встретится с ним, а он о ней напишет воспоминания.

«Из Седьмой Северной элегии» (1958, 1964) – это стихотворение живописует тяжелую нравственную атмосферу, в которой оказалась Ахматова в годы «анафемы» и «молчания», что сказалось и на «Петербургском тексте»: из ленинградского пейзажа почти уходит свет, преобладает тьма во всех ее вариациях: «Без фонарей как смоль был черен невский вал, / Глухая ночь вокруг стеной стояла» (II.1, 178),

«рассветный, синий, / Страшный час над страшной Невой» (II.1, 222), «Самый черный и душный самый – / Этот город Пиковой Дамы» (II.1, 224), «света источник таинственно скрыт» (II.2, 7), «незримой и черной звезды» (II.2, 51), «ночь Петербурга» (II.2, 79), «как в мрак падающая звезда» (II.2, 125).

В 1959 г. Ахматова пишет удивительно светлое и гармоничное стихотворение «Летний сад» (II.2, 7), пронизанное любовью к городу и глубоким пониманием жизни. Летний сад предстает не просто ленинградским «местом», пусть и любимым, но средоточием жизни и мудрости. Стремительный порыв героини в начале стихотворения («Я к розам хочу...») – порыв к прекрасному и живому – далее, по ходу лирического сюжета, сопровождается новыми и новыми волнами прекрасных двустиший, усиливающимися, нарастающими и объясняющими необходимость этого порыва. Возникает и начинает звучать мотив памяти, движения во времени. В стихотворении «И в памяти черной, пошарив, найдешь...» (1960) блоковский мотив связан с мотивом Петербурга. Ахматова в памяти своей до конца дней хранила образ Блока – человека, поэта, символа эпохи. В 1961 г. А. Ахматова пишет стихотворение «Петербург в 1913 году»: Воспоминания о городе, которому уже совсем недолго оставалось зваться Петербургом, поэт облекает в форму зловещего сна.

Есть два Петербурга. Один – реальный город, имеющий свою «биографию», вехи которой означены его именами – Петербург, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург. Другой – образ Города в литературе, существующий в многоликом и разностороннем «Петербургском тексте». Значимы в этом тексте и ахматовские страницы.

В конце жизненного пути в Ахматовой пришло заслуженное мировое признание. Ее творчество начинает изучаться за границей. В частности, освоение творчества А. Ахматовой в Англии предпринято известными английскими поэтами, переводчиками, филологами.

Весной 1965 г. Ахматова получила почетное звание доктора литературы, которое русскому поэту присвоил Оксфордский университет.

В 70-е гг. XX в. на английском языке издан том стихотворений А. Ахматовой. Именно переводы на английский позволили мировой филологической общественности оценить Ахматову как тонкого психолога, мастера исторической поэзии и назвать ее «величайшим поэтом нашего столетия». Английская исследовательница жизни и творчества А. Ахматовой Аманда Хейт первой в зарубежном ахмато-

ведении написала монографию на английском языке «Анна Ахматова. Поэтическое странствие» (издана Оксфордским университетом в 1976 г.). Ранее, в 1971 г., в Лондонском университете Аманда Хейт защитила докторскую диссертацию «Анна Ахматова: жизнь и творчество. Интерпретация в свете биографических материалов». Интересно то, что преподавателем студентки А. Хейт в Лондонском университете был прекрасный знаток русской филологии (и, в частности, переводчик А. Ахматовой) профессор Питер Норман, под руководством которого А.Хейт написала и защитила диссертацию; логическим следствием которой стала книга. Уникальность книги еще и в том, что английскую исследовательницу «ахматоведению учил такой ахматовед, как Ахматова», т.е. сам поэт был «вожатым Аманды в странствии по дорогам собственного творчества».

С Англией, ее культурой и литературой Ахматову связывало очень многое: английские реминисценции присутствуют в десятках стихотворений поэта. «Шекспировский слой» (выражение А. Неймана), английские романтики Байрон, Шелли, Китс, а также Браунинг, Элиот и многие другие английские писатели насыщали поэтический мир Ахматовой, подпитывали ее воображение. Будучи поэтессой, Аманда Хейт создала художественно-публицистическое повествование поэта о поэте, книгу о поэте и человеке Анне Андреевне Ахматовой. Пронзительно ее стихотворение «Памяти Анны Андреевны Ахматовой», созданное в 1966 г., после смерти великого русского поэта.

В третьем параграфе («Стихотворения А. Ахматовой 1941–1966 гг. в английских переводах: своеобразие «Петербургского текста») рассмотрены переводы некоторых произведений Ахматовой военных лет на английский язык. Проведенный анализ позволил утверждать, что петербургская тема оказалась очень трудной для переводчиков. Почти в каждом переводном стихотворении оригинальные образы претерпевали серьезные изменения, подчас совершенно неоправданные.

Во-первых, чрезвычайно трудным оказался перевод названий стихотворений. С одной стороны, переводчики не могли найти точно-го, адекватного варианта в английском языке некоторым русским словам, поэтому были вынуждены прибегать к заменам. А с другой стороны, часто (для удобства восприятия ахматовских стихов) переводчики шли на намеренное искажение названия путем добавления конкретизирующих слов и выражений. Это приводило к появлению несоответствия между заголовком и содержанием произведения или же ликвидировало метафоричность, образность поэтических названий.

И то и другое можно считать переводческими трансформациями, изменяющими смысл произведения.

Во-вторых, много искажений возникает при переводе характеристик, описаний и эпитетов, относящихся непосредственно к Ленинграду. Стараниями некоторых переводчиков пропадает ленинградский подтекст произведений, что является совершенно недопустимым. Также часто переводчики, вставляя слова и словосочетания, отсутствующие в оригинале, делают ахматовский Ленинград иным, чем у поэта, фактически препятствуют адекватному пониманию образа этого города иностранным читателем.

В-третьих, характерным искажением ахматовского текста при переводе являются перестановка строк местами или добавление новых строк в изначальный текст, что приводит к появлению уже нового произведения, иногда весьма далекого от текста Ахматовой.

Обозначенная ситуация осложняется тем, что на первый взгляд «Петербургский текст» в анализируемых произведениях сохранен, а заменам и метаморфозам подверглись лишь отдельные слова. Но от этих отдельных слов иногда зависит все содержание произведения, и именно они требовали наиболее точного и аккуратного перевода.

При переводе послевоенных «петербургских» стихотворений Ахматовой сохраняются уже отмеченные искажения и ошибки, но и добавляются новые. Вместе с тем следует отметить, что перевод стихотворений, написанных после 1945 г., выполнен на более высоком уровне; он точнее, чем перевод произведений военных лет.

Главное нарушение точности перевода – изменение переводчиком ключевых слов произведения. Гораздо реже встречается неточный или неуместный перевод, от которого страдает образ Ленинграда у Ахматовой. Именно замена или ликвидация важнейших понятий и словосочетаний ведет к смещению акцентов во всем стихотворении, причем часто это смещение настолько сильное, что ахматовский текст меняется до неузнаваемости. Подобный слишком вольный перевод ведет к затруднению восприятия ахматовского наследия на Западе, существенно обедняя в глазах англоязычных читателей русскую культуру. Но при этом нельзя умалять значение переводов: именно благодаря им на Западе становятся известны поэты и писатели России, в том числе – творчество великой Анны Ахматовой.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, обобщаются выводы и результаты, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

статьи, опубликованные в научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:

1. *Колышева Е.С.(Ботанова Е.С.), Буранок Н.А.* Концепция петербургского текста в поэзии А. Ахматовой / Колышева Е.С. (Ботанова Е.С.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: Актуальные проблемы гуманитарных наук. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2006. – № 4. – С. 109 – 113. – 0,5 п.л.

2. *Ботанова Е.С.* Петербургский текст А.А. Ахматовой в Англии / Е.С. Ботанова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. – Т. 11. – 2009. – № 4. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. – С. 464 – 466. – 0,3 п.л.

3. *Ботанова Е.С.* Петербургские небо, солнце, звезды и луна в лирике А.А. Ахматовой (оригинальный текст и перевод на английский язык) / Е.С. Ботанова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. – Т.11, – № 4, вып. 4. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. – С.1017 – 1021 – 0,5 п.л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. *Колышева Е.С.(Ботанова Е.С.)* Проблемы изучения концепта «предметность» в лирике А.А. Ахматовой / Е.С. Колышева (Ботанова Е.С.) // «О вы, которых ожидает отечество...»: Сборник научных трудов молодых ученых, аспирантов, студентов СамГПУ. – Вып.7. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2006. – С. 101 – 104. – 0,5 п.л.

5. *Ботанова Е.С.* Предметность петербургского текста А. Ахматовой / Е.С. Ботанова // Проблемы образотворчества и смыслопорождения в словесном искусстве: Сб. статей к 80-летию профессора В.А. Зарецкого. – Стерлитамак: СГПА, 2008. – С. 63 – 68. – 0,5 п.л.

6. *Ботанова Е.С.* Романтическое начало в «петербургском тексте» А. Ахматовой («Петербург, 1919») / Е.С. Ботанова // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 60-летию проф. И.В. Вершинина: В 2 т. – Т. 2. – Самара: Изд-во СГПУ, 2008. – С. 88 – 93. – 0,5 п.л.

Подписано в печать: 15.10.2009 г.
Формат: 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать оперативная. Объем: 1,4 усл.печ.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 771

Отпечатано в типографии ООО «Издательство СНЦ»
443001, Самара, Студенческий пер., 3а
тел.: (846) 242-37-07

10-